

Тексты рукописных описаний Курского наместничества 1784–1785 гг. являются ценным источником по истории социально-экономического развития данного региона и вполне могут стать основой для будущих исследований в этой области.

Примечания

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09–01–72107 а/Ц «Историко-статистические и топографические описания Курского наместничества XVIII века»

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 20. № 14880, 14984.

² РГВИА. Ф. 486. Оп. 16. Д. 18800. Л. 8–8 об.

³ Там же. Д. 18801. Л. 24–25.

⁴ Там же. Л. 28.

⁵ Там же. Д. 18800. Л. 10–10 об.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ *Зубов А. Н.* Топографическое описание Курской губернии с показанием климата и пр. (КурОКМ. Д. 274. Ч. 1. Л. 11 об.).

⁹ Там же. Л. 12 об.

¹⁰ Там же. Л. 106 об.–107.

¹¹ Там же. Д. 265. Ч. 2. Л. 64 об.–65 об.

¹² РГВИА. Ф. 486. Оп. 16. Д. 18801. Л. 66 об.

¹³ КурОКМ. Д. 273. Ч. 2. Л. 164–165.

¹⁴ РГВИА. Ф. 486. Оп. 16. Д. 18801. Л. 105 об.

¹⁵ КурОКМ. Д. 272. Ч. 6. Л. 78 об.

¹⁶ РГВИА. Ф. 486. Оп. 16. Д. 18801. Л. 79 об.

¹⁷ См.: *Раздорский А. И.* Торговля Курска в XVII веке: (По материалам тамож. и оброч. кн. города). СПб., 2001. С. 288–289.

Е. Д. Беспаленок

МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КУПЕЧЕСТВА XVIII в. (по материалам Смоленской губернии)

Метрические книги — хорошо известный источник по истории России XVIII–XIX вв. В таком качестве они прочно утвердились в научной литературе уже в XIX в.¹ В последние годы в связи с усилением внимания к социальной истории России интерес к этому источнику возрос. Среди множества современных научных трудов, посвященных метрикам, выделяется монография Д. Н. Антонова и И. А. Антоновой². Авторы не только обстоятельно исследовали историю возникновения и развития метрикации в России, а также информационные возможности метрических книг, но и рассмотрели методику использования их как массового источника. Следует заметить, что большинство историков обращается к метрическим книгам, главным образом, в связи с исследованием демографических проблем³. Этот аспект изучения данного источника стал традиционным, что естественно, так как демографические сведения в нем практически лежат на поверхности. Внимание другим возможностям документа, если и уделяется, то явно недостаточно.

Цель данной работы — рассмотреть метрические книги как источник по изучению истории российского купечества XVIII в., точнее — его повседневной жизни. Наряду с различными потенциалами, которые может использовать исследователь истории купечества, здесь более подробно рассматривается проблема межличностных и социальных связей купцов, отражавшихся на их участии в крещении новорожденных, то есть через восприемничество. В центре внимания — верхушка купечества двух крупнейших городов Смоленской губ. середины и второй половины XVIII в. — Смоленска и Вязьмы. Отличительной чертой купцов, включенных в исследуемую группу, является активное участие их в храмостроительстве.

Известно, что фонды Смоленской духовной консистории (ф. 48) Государственного архива Смоленской области сохранились не полностью. К тому же далеко не все из сохранившихся документов доступны исследователям. В «Описи особо ценных дел» названного фонда учтено около шести сотен метрических книг, составленных в церквях Смоленской губ. в XVIII — первой трети XIX в. Книги церковей разных городов губернии, содержащие богатые сведения по истории провинциального купечества, составляют лишь небольшую их долю. Имеется 15 книг города Смоленска. Почти все они начинаются с метрик 1740–1744 гг.⁴ Более ранних книг нет, хотя известно, что их составление в Рос-

сии началось с 1722 г. Однако, по всей видимости, смоленские метрики можно отнести к группе довольно ранних источников этого рода⁵.

Хранящиеся в ГАСМО метрические книги города Вязьмы начинаются в большинстве случаев с 1765 г.⁶ Таких книг 16, хотя в описи к ним отнесены еще три, которые в действительности являются сельскими⁷.

Изучение метрических книг позволило существенно дополнить, а иногда и воссоздать историю целого ряда купеческих семей, представители которых — купцы первой и второй гильдии, известные предприниматели и общественные деятели — сделали в XVIII в. крупные пожертвования на строительство храмов в Смоленске, Вязьме и в окрестностях этих городов. Таких семей в Смоленске было обнаружено 8, а в Вязьме — 17.

Метрические книги позволили уточнить возраст многих купцов. В этом плане метрики выгодно отличаются от ревизских сказок, которые, как правило, не содержат сведений о датах рождения и смерти людей, а их возраст указан приблизительно. Например, из данных первой ревизии следует, что купец А. Ф. Сисоев родился в 1717 г., а согласно метрической книге Петропавловской церкви — в 1715⁸. Это всего лишь один пример из множества. Погрешности в ревизских сказках, как известно, были связаны с особенностями их составления. Сбор и оформление их требовали довольно длительного времени, а горожане, со своей стороны, не стремились быть точными и откровенными перед представителями власти. Этого недостатка у метрических книг нет, хотя именно от государства исходило требование об их составлении. Однако та информация, которая фиксировалась в церковных метриках со слов прихожан, более правдива уже потому, что православному человеку лгать в храме было непозволительно.

Одна из возможностей, которые дают исследователю метрические книги — сведения об изменении с годами социального положения отдельных представителей купечества. В записях 40-х гг. XVIII в. имеются указания на принадлежность горожан к посаду, мещанству («старинному смоленскому»), указываются должности в магистратах и пр. После гильдейской реформы 1775 г. называлась гильдия, к которой принадлежал купец, а также другие данные. Это особенно важно в случае изучения именно смоленского купечества, так как обывательские книги не доступны исследователям (возможно, они отсутствуют вообще). Пример изменения социального статуса купца, прослеженного по метрическим книгам, показывает история И. Б. Пискарева, депутата Уложенной комиссии 1767 г. от Смоленска. В «Метрической книге записей о родившихся, умерших и бракосочетавшихся церкви Сошествия Святого Духа города Смоленска» в 1741 г. И. Б. Пискарев назывался посадским человеком, в 1748 г. — уже президентом смоленского магистрата, в 1761 г. — «града Смоленска президентом и полотняной фабрики фабрикантом», в 1776 г. — «титулярным советником»⁹.

Метрические книги помогают установить место жительства купца по его церковному приходу, так как в других источниках, например, ревизских сказках, определить его удастся редко. Исследование метрик Петропавловской церкви города Смоленска показало, что в ее приходе проживали самые богатые купцы города, большинство из них было похоронено здесь же, на кладбище¹⁰. В современном Смоленске на месте этого купеческого посада расположена железная дорога, а на месте кладбища — проезжая улица.

Записи метрических книг «о бракосочетавшихся» позволяют выяснить, какие купеческие фамилии объединяли свои капиталы через заключение браков между детьми. Так, в феврале 1768 г. старший сын купца первой гильдии, владельца мануфактуры Стефана Никитина — Константин — сочетался браком с дочерью президента губернского магистрата Федора Щедрина — Матроной¹¹.

Анализ материалов метрических записей XVIII в. «о рождающихся» позволяет проследить межличностные и междусемейные связи купеческой верхушки, а именно — купцов-храмостроителей и их семей. Данные второй половины XVIII в. по девяти таким семьям Вязьмы свидетельствуют о том, что наибольшую долю среди родителей их крестников составляли также купцы — 149 случаев из 393 (т. е. 38 %). На втором месте были мещане и посадские люди — 64 случая (16 %). Хотя здесь следует отметить, что один и тот же человек нередко оказывался в разные годы в разных группах, так как метрики фиксировали настоящее положение купцов, капиталы которых не всегда отличались высокой устойчивостью, отчего и положение людей менялось. Особенно внимательно священники относились к этим сведениям с 1775 г. К названным группам примыкают и близкие родственники воспитанников, называвшиеся обычно купцами — 56 случаев (14,5 %). Однако если в первых двух случаях можно сделать вывод о дружбе, основанной на деловых отношениях, то здесь речь идет об устойчивых, нередко патриархальных, внутрисемейных связях купцов. Здесь нельзя согласиться с утверждением Д. Н. Антонова и И. А. Антоновой о том, что «степень родственных отношений между персоной и воспитанниками при рождении <...> в метрической записи не указывалась»¹². Напротив,

в метрических книгах Смоленска и Вязьмы, как правило, содержались указания на дедушек и бабушек младенцев: «отец ево», «мать ево», то есть отца крещаемого ребенка. Если восприемниками выступали брат и сестра, то это также указывалось. На выраженное покровительственное отношение купцов к своим дворовым и работникам указывает заметная доля этой группы в числе родителей новорожденных — 56 случаев (14,5 %). Доля священников составляла около 10 % (40 случаев), что также немало, учитывая незначительную численность духовенства по сравнению с другими категориями городского населения. Среди родителей крестников встречаются также служащие магистрата (президент, нотариус, подканцелярист и др.), суда (секретарь, канцелярист, регистратор и пр.). Единичны случаи крещения детей у дворян. Крестьяне же, особенно экономические, в целом довольно часто фигурировавшие в метриках Вязьмы, среди родителей крестников купцов отсутствуют. Аналогичную картину можно наблюдать и по метрическим книгам Смоленска (см. таблицу). Более высокая доля священников в данном случае связана с тем, что в выбранных материалах рассматриваются наиболее активные участники храмостроительства.

**Межличностные связи купцов-храмостроителей г. Смоленска в XVIII в.
(по материалам метрических записей о крещении новорожденных)**

Социальное положение родителей крестников	Число случаев участия в крещении в качестве восприемников						Итого
	А. Ф. Сисоев	Члены его семьи (4 чел.)	В. Г. Хлебников	Члены его семьи (8 чел.)	С. Никитин	Члены его семьи (4 чел.)	
Дворяне	–	–	–	1	–	1	2
Служащие магистрата, суда и пр.	3	1	–	–	1	–	5
Священники	1	5	1	9	6	8	30 (19 %)
Купцы	–	17	–	5	–	3	25 (16 %)
Мещане и посадские люди	8	12	5	20	5	16	66 (42 %)
Дворовые и работники купцов	–	10	–	4	–	5	19 (12 %)
Крестьяне	–	–	–	1	–	1	2
Родственники восприемников	–	–	7	1	–	–	8 (5 %)

Существенное значение имеют и сведения о тех людях, которые становились восприемниками в паре с купцами или членами их семей. Хотя в целом эти данные аналогичны представленным выше, между ними имеются и весьма показательные отличия, два из которых заслуживают внимания. Во-первых, несколько больше здесь была доля дворян — 17 случаев (4 %) в Вязьме и 9 случаев (6 %) в Смоленске. Это свидетельствует о том, что дворяне не пренебрегали обществом представителей верхушки купечества. К тому же по тем же метрическим книгам известно, что во второй половине XVIII в. нередкими были и браки между выходцами из этих сословий. Во-вторых, дворовые и работники купцов практически никогда не выступали в паре с купцами в качестве восприемников. Как правило, при крещении детей этой категории крестными родителями становились дети купцов — братья и сестры или дети друживших между собой семей. Возраст восприемников-детей, как показывают метрики, нередко едва достигал 7–10 лет, чего не допускалось в XIX в.¹³

Прочные связи складывались между семьями купцов, представлявших элиту городского населения и отличавшихся своим активным участием в возведении храмов. Общие данные по выбранным 12 семьям купцов-храмостроителей Смоленска и Вязьмы показывают, что из 520 крещений, в которых участвовали 76 представителей этих семей в качестве восприемников, 135 (т. е. 26 %) были проведены вместе с другими храмостроителями или их родственниками. Отношения кумовства внутри этой категории купечества были обычным явлением. Если восприемничество купцов первой гильдии при крещении младенцев у небогатых горожан было своего рода благотворительностью, поскольку

они могли оказывать таким образом материальную помощь этим людям, то кумовство равных по положению людей — купцов первой гильдии — часто свидетельствовало о дружбе семей. При этом влияние их друг на друга, безусловно, было важным фактором в развитии храмостроительства в городе.

Примером того, как исследование церковных записей о крещении добавило новые черты к портрету смоленского купца второй половины XVIII в., явилось изучение такой выдающейся личности, как Андрей Федорович Сисоев. Он, купец первой гильдии, бургомистр, на протяжении всей своей жизни отличался необычайно активной общественной позицией, славился добротой и умел заразить своими полезными делами окружающих. Особенно он отличился в храмостроительстве, будучи не только щедрым жертвователем, но и активным пропагандистом и организатором этого дела. Материалы метрических книг свидетельствуют о его популярности и авторитете у жителей города Смоленска. Сисоев и члены его семьи — жена Матрона Логиновна и дочери Варвара и Александра, а затем, уже с семи лет, и сын Николай — часто выступали в качестве восприемников при крещении детей горожан. По данным метрической книги Петропавловского прихода, сам Андрей Федорович с 1766 по 1783 г. четыре раза выступал в качестве восприемника, его супруга — с 1768 по 1774 г. — 7 раз, дочь Варвара в 1771–1784 гг. — 19, дочь Александра в 1770–1783 гг. — 7, сын Николай в 1775–1783 гг. — 10 раз¹⁴. К тому же Андрей Федорович, по записям метрической книги Духовской церкви, с 1762 по 1766 г. стал крестным отцом трех дочерей президента смоленского губернского магистрата, «фабриканта» и храмостроителя Ивана Борисовича Пискарева¹⁵ (Александры — в 1762, Елизаветы — в 1763 и Анны — в 1766 г.)¹⁶ Не исключено, что он был одним из идейных вдохновителей Пискарева, как и некоторых других купцов, решивших построить каменные храмы.

Сисоевы вступали в кумовство с представителями самых разных слоев городского населения. Среди родителей их крестников и восприемников, с которыми они вместе крестили младенцев, были знатнейшие люди Смоленска, такие, как купцы Пискаревы, Сенаторские, Нашиванкины, Никитины, а также священники городских церквей. Это свидетельствовало об их общественном положении, так как желание горожан видеть Сисоевых в качестве крестных родителей своих детей говорит о большом уважении к этой семье, прежде всего — к ее главе.

В 1765 г. Матрона Логиновна Сисоева, будучи в Вязме, стала также крестной матерью дочери вяземского купца-храмостроителя Лаврентия Парфеновича Гайдукова¹⁷. Это произошло в то время, когда А. Ф. Сисоев строил в Смоленске Воскресенскую церковь. Легко представить, что этот пример мог увлечь будущего вяземского храмостроителя, который возвел храм в своем селе Настасьино Бельского у. в 1769 г.

Сисоевы часто становились восприемниками при крещении детей из семей небогатых мещан, посадских людей и даже дворовых. Дочери Варвара и Александра, а затем и сын Николай с юных лет часто выступали в качестве восприемников при крещении детей дворовых своего отца и смоленских мещан¹⁸. Большое количество крестников предполагало и определенную материальную помощь их родителям, особенно если речь шла о людях, занимавших невысокое социальное положение. Таким образом, можно рассматривать это явление как своеобразную форму благотворительности. И следует признать, что семейство Сисоевых в этом преуспело.

Нельзя не заметить, что крестными родителями детей А. Ф. и М. Л. Сисоевых становились самые разные люди. Так, в декабре 1768 г., когда у них родился сын Николай, восприемниками были соборный священник Яков Лешкевич и «вдова Леона Осипова крестьянка Килина Спиридонова». В марте 1776 г., когда родилась дочь Анна, ее крестными отцом и матерью стали полковник И. И. Кошелев и жена отставного полковника А. Я. Вонляр-Лярского Анна Петровна. А при крещении самого младшего ребенка Сисоевых Петра, в июне 1778 г., восприемниками были смоленский генерал-губернатор князь Н. В. Репнин и княгиня Е. А. Долгорукова¹⁹. Конечно, кумовство в данном случае наглядно отражает подъем главы семейства по социальной лестнице. Однако отношение его к простым людям при этом не изменилось.

Метрические записи замечательно раскрывают подробности жизни и другого смоленского купца, о доброте которого в городе ходили легенды. Это — Василий Григорьевич Хлебников. О круге общения Хлебникова и членов его семьи в 50–80-х гг. XVIII в. свидетельствуют многочисленные записи о крещении новорожденных в метрических книгах смоленских церквей. Сам глава семьи не менее 14 раз выступал в качестве восприемника, его сын Варфоломей — 10 раз, дочь Ирина — 8 раз. Судя по этим данным, широкие личные связи Хлебниковых распространялись на людей самых разных слоев городского общества. Это был и бывший смоленский губернатор Тимофей Текутьев (при крещении внучки Хлебникова — Анны), и жена смоленского мещанина Филипа Федорова сына

Щедрина — Ирина Васильева²⁰, а также священники, чиновники, купцы — смоленские и приезжие, крестьяне.

Особое место среди тех, с кем Хлебниковы вступали в кумовство, занимали люди церковные. Так, дочь В. Г. Хлебникова Ирина не раз становилась крестной матерью детей священника Михаило-Архангельской церкви Дорофея Сонцова, пономаря той же церкви Георгия Чамова. Невестка Хлебникова Прасковья была восприемницей при крещении детей священников Михаило-Архангельской церкви Никифора Дорофеева Сонцова, Алексея Брянцова. Вместе с ними восприемниками были «бывший антариус» духовной консистории В. И. Которов, дьяконы той же церкви Иоанн Дедов и Алексей Стефанов, а также священник Василий Буславский, священник из Бельского у. Яков Чамов. Вместе с Хлебниковым восприемницами выступали «вдова священническая жена» А. Гаврилова, жена протопопа смоленского Вознесенского монастыря П. Петрова, а в 1770 г. — старица Смоленского Вознесенского монастыря Серафима Гедеонова²¹. Кумовство со священниками и их близкими наблюдалось и у других членов семьи Хлебниковых. Тесное общение членов семейства Хлебниковых с церковнослужителями может свидетельствовать об их глубокой воцерковленности и об особенно важном для них, и в первую очередь — для главы семейства, значении участия в церковной жизни.

В то же время дети Хлебникова, как и других купцов-храмостроителей, нередко становились крестными родителями дворовых и крестьян своего отца²². Более того, об особом отношении к людям низкого происхождения говорит случай, произошедший в 1786 г., когда восприемниками при крещении незаконнорожденного ребенка дворовой девки стали внуки В. Г. Хлебникова — Василий и Анна²³. Обычно же, судя по материалам метрических книг, купцы сторонились участия в крещении незаконнорожденных детей, вероятно, заботясь о чистоте своей репутации.

Метрическая книга Михаило-Архангельской — приходской церкви Хлебниковых — красноречиво характеризует внутрисемейные отношения этих купцов. Тесные связи внутри этой патриархальной семьи сочетались с высочайшим авторитетом ее главы у членов семейства. Практически все дети сыновей Василия Григорьевича Хлебникова — Ивана и Варфоломея были крестниками своего деда²⁴.

Восприемничество купцов Никитиных было также неотъемлемой стороной повседневной жизни их семьи, особенно — ее главы Стефана Никитина и его супруги Акилины Васильевны. По материалам исследованных метрических книг, с 1755 по 1772 г. Никитин не менее 12 раз участвовал в крещении детей в качестве крестного отца, а его жена — с 1767 по 1777 г. стала крестной матерью не менее чем 25-ти детей²⁵. Весьма характерен состав круга людей, с которыми Никитины вступали в кумовство. Это, главным образом, — священники, купцы, мещане, магистратские служащие, военные. Прослеживаются особенно тесные связи Никитиных с представителями смоленского духовенства. Наиболее часто Никитины участвовали в крещении детей священников смоленской Николаевской церкви. С. Никитин в 1764–1772 гг. был восприемником у пятерых детей священника Я. А. Климова, а А. В. Никитина в 1768–1777 гг. — у семерых детей сначала дьякона, а потом священника П. Ф. Ракусовича. Вместе с Акилиной Васильевной восприемниками были в разное время секретари Смоленской духовной консистории Г. А. Тарнавский и С. Г. Жирной — по 2 раза, а также священник той же Николаевской церкви М. Ф. Вишневский. Тесные межличностные связи с людьми духовного звания не могли не отложить отпечатка на взгляды С. Никитина. Характерно и то, что совместно с ним восприемницами выступали жены известных смоленских купцов-храмостроителей. Уже в 1755 г. его кумой стала первая супруга президента смоленского магистрата И. Б. Пискарева — Евдокия Петровна, а в 1771 г., когда бывший депутат стал коллежским советником, — его вторая жена — Анна Вилимовна. Но особенно близкие отношения связывали Никитиных с семьей Ф. К. Щедрина, пожертвовавшего деньги на постройку их приходского Николаевского храма. С 1764 по 1772 г. сначала — жена, а потом — вдова Щедрина — Дарья Стефановна — не мене пяти раз участвовала в крещении как восприемница вместе со Никитиным.

Нередко материалы метрических книг помогают выявить возможные мотивы, подвигнувшие купцов к пожертвованию своих капиталов на строительство церквей. Один из таких мотивов — смерть единственных сыновей²⁶.

Другим важным фактором было межличностное общение купцов-храмостроителей. Из рассматривавшихся документов известно о фактически дружественных отношениях А. Ф. Сисоева с И. Б. Пискаревым и Ф. М. Нашиванкиным, И. Б. Пискарева — со Стефаном Никитиным, С. Никитина — с Ф. К. Щедриным. Не исключено, что у хорошо знакомых и друживших между собой И. Б. Пискарева, А. Ф. Сисоева и С. Никитина, представлявших верхушку смоленского купечества и в разное время возглавлявших губернский магистрат, был даже единый замысел строительства храмов в середине 60-х гг. XVIII в.

Говоря о метрических книгах, нельзя не отметить их недостатки, которые должен учитывать исследователь истории российского купечества. Этот вопрос достаточно подробно освещен в историко-ведческой литературе. Один из главных недостатков — отсутствие сведений по разным годам. Как уже было отмечено, большинство вяземских книг начинается только с 1765 г. И в смоленских и в вяземских книгах имеются пропуски записей за отдельные годы. К тому же многие купцы, о жизни которых велось исследование, родились вообще до начала составления метрических книг, то есть ранее 1722 г.

В метриках практически невозможно найти сведений о крещении, венчании и отпевании умерших в случаях, когда эти таинства совершались в других церквях, а иногда и в других городах, а не в своем приходе. На это указывает целый ряд записей, касающихся иногородних купцов. Так, в 1768 г. в Смоленске у тульского купца И. Иванова родился ребенок, восприемниками при крещении которого выступали президент Смоленского губернского магистрата С. Никитин и жена А. Ф. Сисоева — М. Л. Сисоева²⁷. Или другой случай, когда в 1776 г. в Вязьме был погребен найденный здесь же в реке мосальский купец К. И. Дяконов²⁸.

К недостаткам метрических книг следует отнести и отсутствие в записях фамилий купцов. Так, в 40-х гг. XVIII в. основатель крупнейшей смоленской купеческой династии Б. З. Пискарев назывался в метриках просто Борисом Захаровым²⁹. Иногда в метрических книгах неверно указывались отчества даже довольно известных людей. Например, в 1773 г. выступавшая в качестве восприемницы супруга И. Б. Пискарева была записана как «депутатская жена Анна Васильева Пискарева»³⁰. Настоящее отчество урожденной Анны Фондтертен было Вилимовна.

Однако не всегда очевидные на первый взгляд ошибки были действительно таковыми. Например, в метриках вяземской церкви Рождества пресвятой Богородицы за 1783 г. содержится нелепая, казалось бы, запись: «Вяземскаго мещанина Михайлы Прокопиева сына Колачникова у сына ево Стефана з женою ево Вассою Васильевою родился сын Феодор. Крещен священником Алексеем Кириловым того ж числа, а при крещении восприемники были вяземской купец Стефан Михайлов сын Колачников да купеческая жена Агафия Исидорова дочь Чканикова». Как видно, фамилия, имя и отчество восприемника и отца мальчика полностью совпадают, что можно сразу расценить как ошибку. Однако через два года встречается подобная запись с теми же действующими лицами, но есть одно маленькое дополнение — теперь восприемник назван: «Стефан Михайлов сын большой Колачников»³¹.

Внимательное отношение к содержанию метрических книг иногда помогает решить исследовательские проблемы там, где они первоначально представляются неразрешимыми. Так, казавшиеся погрешностью из раза в раз повторявшиеся в смоленских метриках пропуски фамилии известнейшего в городе купца Стефана Никитина в сочетании с указанием отчества и фамилии его взрослых сыновей дали возможность точно идентифицировать этого человека. В результате оказалось, что он был основателем купеческой династии, а его отчество стало фамилией его и его детей. При восстановлении истории купеческих семей появлялось немало и других вопросов, ответ на которые был найден только при помощи изучения метрических книг. Таким образом, этот источник, еще далеко не раскрывший своего потенциала, содержит богатейшие возможности для исследования истории российского купечества.

Примечания

¹ См., например: *Журавский Д. П.* Об источниках и употреблении статистических сведений. Киев, 1846; *Буняковский В. Я.* Опыт о законах смертности в России и о распределении православного народонаселения по возрастам. СПб., 1865; и др.

² *Антонов Д. Н., Антонова И. А.* Метрические книги России XVIII — начала XX в. М., 2006. 385 с.

³ *Палли Х. Э.* Методика использования метрик в историко-демографических исследованиях // История СССР. 1982. № 1. С. 87–93; *Фомина О. В.* Рождаемость и смертность в среде московских купцов в последней четверти XVIII века // Города Европейской России конца XV — первой половины XIX века: Материалы междунар. науч. конф. 25–28 апр. 2002 г., Тверь — Кашин — Калязин. Тверь, 2002. Ч. 2. С. 382–394; *Маркова М. А.* Первичные документы по учету населения Санкт-Петербургской губернии в XVIII — первой половине XIX вв. как исторический источник (метрические книги, исповедные росписи, ревизские сказки): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005; Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник: Сб. ст. Барнаул, 2007 и др.

⁴ ГАСМО. Ф. 48. Оп. 1 (ОЦ). Д. 337–344, 347, 350–355.

⁵ См.: *Антонов Д. Н., Антонова И. А.* Метрические книги России... С. 52.

⁶ ГАСМО. Ф. 48. Оп. 1 (ОЦ). Д. 210–212, 215, 216, 218–225, 293, 295, 296.

⁷ Там же. Д. 213, 214, 217.

⁸ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3238. Л. 424 об.–425.; ГАСМО. Ф. 48. Оп. 1 (ОЦ). Д. 355. Л. 708.

⁹ ГАСМО. Ф. 48. Оп. 1 (ОЦ). Д. 343. Л. 9 об., 37, 153, 387 об.

¹⁰ Там же. Д. 355.

- ¹¹ Там же. Д. 347. Л. 95 об.
- ¹² См.: Антонов Д. Н., Антонова И. А. Метрические книги России... С. 167.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ ГАСМО. Ф. 48. Оп. 1 (ОЦ). Д. 355. Л. 278 об., 320 об., 355 об., 365 об., 381, 393, 395, 418 об., 444 об., 454, 475, 527, 567 об., 594, 692 об., 695, 710 и др.
- ¹⁵ Там же. Д. 343. Л. 157 об., 165 об., 199.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ ГАСМО. Ф. 48. Оп. 1 (ОЦ). Д. 212. Л. 1.
- ¹⁸ Там же. Д. 355. Л. 454, 472 и др.
- ¹⁹ Там же. Л. 324, 512, 543.
- ²⁰ Там же. Оп. 5 (ОЦ). Д. 351. Л. 98 об.
- ²¹ Там же. Оп. 1 (ОЦ). Д. 347. Л. 66; Д. 351. Л. 23, 60 об., 63, 72, 78, 171 и др.
- ²² Там же. Д. 351. Л. 43, 51 об.
- ²³ Там же. Л. 175.
- ²⁴ Там же. Л. 120, 128, 136 об., 145 об., 164, 165 об., 174.
- ²⁵ Там же. Д. 342. Л. 180 об.; Д. 343. Л. 87; Д. 347. Л. 73, 81, 95, 95 об., 97, 107, 121, 127, 127 об., 144, 158, 184 об., 198 об. и др.
- ²⁶ См., например: Беспаленок Е. Д. 1) Купцы Кремлицыны и строительство храма св. Варвары в Смоленске // Смоленские епархиальные ведомости. 2003. № 3. С. 43–48; 2) Жизненная драма купца Ф. М. Нашиванкина: Из истории купеч. храмо-строительства в Смоленске // Край Смоленский. 2008. № 12. С. 3–10.
- ²⁷ ГАСМО. Ф. 48. Оп. 1 (ОЦ). Д. 355. Л. 320 об.
- ²⁸ Там же. Д. 215. Л. 106 об.
- ²⁹ Там же. Д. 343. Л. 29.
- ³⁰ Там же. Д. 342. Л. 231 об.
- ³¹ Там же. Д. 224. Л. 77, 84.

М. С. Черкасова

ОБЫВАТЕЛЬСКИЕ КНИГИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ КУПЕЧЕСТВА И ТОРГОВЛИ ВОЛОГДЫ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.

Обывательские книги русских городов еще не выявлены в полном объеме, не систематизированы и недостаточно разработаны в источниковедческом и конкретно-историческом отношении. Из доступной нам литературы о них удалось познакомиться лишь с тремя статьями по Архангельску и Сарапулу¹. Предлагаемая заметка представляет лишь начальный этап подобной работы, проведенной на основе фондов Государственного архива Вологодской области.

Сохранившиеся в нем две обширные обывательские книги 1785–1796 гг. были составлены во исполнение Екатерининской Жалованной грамоты городам от 21 апреля 1785 г.² Наиболее ранней является книга № 17 (объем 546 л. с об.), представляющая собой *алфавитный список* обывателей за 1785–1792 гг. Она была составлена городскими старостами, торговыми людьми Мих. Рыниным и Вас. Исаевым, имела буквенные разделы от А до Я и оформлена в виде таблицы из шести граф. *Первая графа* — «Имя и прозвание обывателя в том городе старожила, родившагося или вновь поселившагося и его лета». *Вторая* — «Холост или женат и на ком, или вдов». *Третья* — «Много ли детей мужескаго или женскаго пола и их лета». *Четвертая* — «Есть ли в городе за ним дом или иное строение или место или земля, им ли построено или наследственно или куплено, или в приданое получено и в каком месте в городе и которой номер». *Пятая* — «В городе ли живет тот обыватель или в отлучке». *Шестая* — «Какого он промысла»³. Большинство записей сопровождаются датами внесения обывателя в протокол городской думы, и это имеет важное значение для понимания ее хронологии.

В книгу № 17 две трети записей (62 %) были внесены в сентябре — октябре 1785 г. На 1786 г. приходится 263 записи, или 18,8 %. К 1787–1792 гг. относится лишь 20 % записей. Имеющие разные даты протоколы нередко отмечены в кн. 17 одним и тем же почерком на одном листе, следовательно, составители книги воедино сводили в нее (в соответствующий буквенный раздел) разновременные записи о городских обывателях.

По-настоящему увесистым фолиантом (1678 л.!) является книга 1787–1796 гг. (№ 4211), скрепленная городским головой, купцом второй гильдии Степаном Митрополовым и депутатом городской думы, купцом третьей гильдии Федором Окатовым⁴. Большая часть записей в ней (74 %) относится к 1787–1789 гг., а по палеографическим данным значительная ее часть датируется 1790–1792 гг. Сравнение наличного состава жителей в книгах 17 и 4211 показывает, что большинство из них в кн. 4211 было повторно зафиксировано с указанием новых протоколов. Близкие к нашим наблюдения о соотношении двух обывательских книг по Архангельску В. В. Крестинина —